

Д.А.Новичкова

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В РОМАНЕ В.В.ВЕРЕСАЕВА «СЁСТРЫ»

Цель статьи — выявление изображенного В.В.Вересаевым внутреннего мира женщины, включенной в активное «строительство социализма» в СССР. Основной предмет изучения — роман писателя «Сёстры», повествующий о жизни советской молодежи 1930-х годов. Текстуальный анализ романа концентрируется вокруг актуальной для автора проблемы социальной активности, обрекающей представительниц «слабого пола» на тяжелый физический труд, умаление роли женщины как жены и матери. Привлечены произведения современников писателя, в творчестве которых замечены родственные наблюдения и взгляды. Сделаны выводы о значимости романа для осмысления гендерных вопросов.

Ключевые слова: В.В.Вересаев, гендерные вопросы, эмансипация, производственный роман, классовое сознание, «интеллигентщина»

Художническое внимание к судьбам представительниц «слабого пола» в творческом наследии В.В.Вересаева можно обнаружить на протяжении всего его творческого пути. Галерея женских образов в его произведениях обширна и многоцветна.

Роман «Сёстры» (1933), посвященный проблемам молодежи в период НЭПа и коллективизации, ярко демонстрирует поведение «новой» женщины. С целью достижения документальной точности писатель поселился в селе Борогодском вблизи завода «Красный богатырь» (в романе «Красный витязь»). Действие романа также привязано к определенным местам и улицам Москвы, что усиливает ощущение полного правдоподобия.

Литературовед С.Н.Жуликова указала на опубликованные в журнале «Юность» за 1990 год последние страницы романа «Сёстры», запрещенные цензурой и восстановленные по рукописям автора: «Рассказ о партийных чистках на заводе, о положении раскулаченных крестьян, об отправке рабочих в деревни подшефного района — смелый и обличительный поступок честного писателя» [1, с. 40]. Судьба книги была обычной для автора, выражающего бескомпромиссное отношение к действительности: сразу после появления в библиотеках и книжных магазинах роман был изъят.

В романе «Сёстры» первая часть представлена в виде дневника двух сестёр Ратниковых, Лёльки и Нинки, которые ведут его вместе, раскрывая свои переживания, мысли и планы на будущее. Требования у сестёр к себе довольно жёсткие, Лёлька записывает: «Просто как-то неудобно: вот я, интеллигентка, поварились в комсомоле, начиталась книг и иду учить рабочих ребят. Пробуждать в них классовое сознание. <...> Все эти рассуждения и самовопросы — чистейшая интеллигентщина» [2, с. 212]. Из всех сил комсомолка желает отмежеваться от принадлежности к своей социальной сфере. В.М.Нольде заметила, что Вересаеву удалось «осмыслить и запечатлеть в романе ростки нового в жизни интеллигенции» [3, с. 148].

Первая глава романа заканчивается разрывом отношений между сёстрами. Старшая сестра Лёлька настаивала, чтобы младшая оставила университет, перестроила своё мировоззрение под «азбуку коммунизма», ушла работать на завод. Нинка не могла принять категоричности сестры, ей трудно отречься от своей индивидуальности, для неё это требование равносильно отказу от собственной души: «Найду “мой коммунизм”, я не убью искусственно, как ты, свою душу» [2, с. 258]. Неотступные вопросы привели Нинку к неизбежному для нее решению: «В чем моя неугасающая боль? В том, что я не получила окраски своей среды, в том, что внешне я, может быть, и подхожу, но не дальше, и я не смогу срастись с ними, н-е м-о-г-у» [2, с. 259]. Адаптация нравам пролетарской среды для честной по отношению к себе младшей сестры явно неприемлема.

Вторая глава романа повествует о нелёгком, но целенаправленном пути Лёльки: от работницы завода по производству галош — до партийки, имеющей власть и вес в советском обществе. Тяжёлый физический труд на заводе сначала обессиливал и приводил в отчаяние девушку. Она получила сильное отравление бензином, что вело её к психологическому тупику: «Лёлька Ратникова кусала губы, чтобы не прорваться истерическими рыданиями» [2, с. 261]. Её посещали мысли об утрате смысла жизни и о самоубийстве [2, с. 262].

Героиню Вересаева увлекает стремление быть во что бы то ни стало на гребне эпохи. Идейным руководителем для Лёльки была коммунистически «подкованная» Бася Броннер, которая поддерживала уход Лёльки от учебы в университете на завод, заботилась о её активной деятельности в марксистских кружках, всячески наставляла.

Позже характер Лёльки последовательно развивается в направлении, заданном Басей, но уже не в пользу руководительницы: на собрании младшая подруга обнародовала тайну старшей, которой та поделилась с Лёлькой как с близким человеком: Бася использовала своё положение, чтобы пристроить брата в партию и тем самым обеспечить ему поступление в ВУЗ. Руководители хвалят беспардонную Лёльку за её якобы «откровенность» и заботу о «будущем партии». Сюжет романа выпукло обнажает перемены в характере Лёльки: работа на заводе, власть, влияние делают ее всё более беспринципной. Поначалу она ещё

замечала бесчеловечность утвердившейся системы. Узнав о смерти одной из работниц завода, она рассуждала о равнодушии окружающих к заболевшей: «Но никто даже не удосужился узнать — чем. Захворала — и захворала. Её заменили другою работницею» [2, с. 338].

Вторая глава романа заканчивается печальным эпизодом: Лёлька после нескольких свободных любовных походов принимает решение сделать аборт. Причина отказа от материнства была на первый взгляд понятная: «“Одиночка”: отсутствие отца» [2, с. 382]. Вересаев, будучи врачом и прекрасно зная физиологию человека, удивительным образом сумел показать процессы, невольно происходящие в сознании женщины: «В душе пело удивленно-смеющееся слово “мать”» [2, с. 382]. Но эмансипированная Лёлька не слушается внутреннего голоса. Для героини «Сестёр» главным мотивом при избавлении от беременности было опасение утратить с таким трудом обретенное общественное положение. На благородное предложение Юрки выйти за него замуж не зная, кто отец ребенка, Лёлька высказала недоумение: «Что за слово нелепое: выйти за тебя... <...> А я от своей самостоятельности отказываться не хочу. <...> Пойти в загс? И потом поселиться вместе в одной комнате? И чтоб штопать тебе носки?» [2, с. 340].

В центре авторского внимания, помимо собственно гендерного аспекта, — нарушение связи между поколениями, изуродованные семейные традиции и ценности. Красной нитью через всю сюжетную канву «Сестёр» проходят картины и рассуждения о разрыве преемственности. Еще в начале повествования упоминается, что девушки Ратниковы не понимают мать. Нинка так характеризовала родительницу: «Она <...> всё ругает советскую власть: за аморализм, за “неразборчивость в средствах”, за дискредитирование идеи социализма и превращение его в “шигалевищину” <...>. С самого великого Октября <...> она нам ругала и изобличала коммунизм. Мы поэтому горячо его полюбили, и возненавидели мертвый интеллигентский морализм» [2, с. 209]. Вересаев показывает, что связь поколений разорвана изначально социально-историческими обстоятельствами, разрыв усугубляется «передовыми» идеями детей. Дочери до противоестественной странности презирают и не уважают мать, считают себя выше и умнее, а в конечном итоге в жажде самостоятельности отказываются от материнства. Им и невдомёк, что родительница образованнее, мудрее, чем они, понимает, что происходит.

С этой ситуацией перекидывается ещё одна, запечатлённая в дневнике Ниной. Лазарь Броннер (брат Баси) поделился с ней, что вчера умерла его мать. Накануне молодой человек получил записку с просьбой прийти попрощаться. «Не пошел Лазарь прощаться с умирающей торговкой, по странной случайности получившей право называться его матерью. Прав ли он? <...> Н-е з-н-а-ю. Это думала я. А говорила, что только так и мог поступить комсомолец» [2, с. 219]. В словах Нины — высокомерие по отношению к матери Лазаря, «мелочной, с торгашеской психологией». Но всё же девушка способна почувствовать духовное уродство, она возмущена поступком друга-комсомольца, хотя и не смогла об этом сказать ему.

Третья глава повествует о командировке Лёльки в деревню для создания колхозов. Там она последовательно демонстрировала себя в образе партийки: «Лёлька была теперь как будто другая, — прямолинейная и беспощадная» [2, с. 391]. Центральным эпизодом этой главы является история с крестьянином, которой отказался «добровольно» вступать в колхоз. Когда его семейство приговорили к высылке, домашний скarb был собран и упакован, Лёлька под села к маленькому мальчику и попросила снять и отдать ей валенки. Ребёнок доверчиво исполнил просьбу. Потом, замерзнув, бежал босиком по талому снегу за повозкой, увозящей обувь, и кричал: «Дяденька, отдай валенки!» [2, с. 389]. Вересаев подчеркнул, что не давление обстоятельств, а личная инициатива эмансипированной женщины стала причиной «слезинки ребёнка», развенчивающей ценность «справедливых» идей.

Друг Лёльки Юрка постоянно выступал против насилия над крестьянами, его удручали нечестные голосования и раскулачивания семей, лично неугодных кому-то из односельчан. Однако его никто не слушал, ссылаясь на великое будущее, ради которого нужны жертвы. Юру удручала участь вершителя жертвоприношений: «Работал вместе со всеми с полной добросовестностью, но никто больше уже не видел сверкающей его улыбки. По вечерам <...> Юрка долго сидел задумавшись, ничего не слыша» [2, с. 391]. Парень оказался вынужденным участником раскулачивания той семьи, у которой отобрали даже валенки малыша. В состоянии глубокого опьянения, судорожно сжимая спинку стула и скрипя зубами, Юра упрекал Лёльку за своё участие в несправедном деле, окончившееся срывом, полным разочарованием, подтолкнувшим к духовному тупику: «Сволочь ты этакая! Чего же ты меня в эту грязь втравила? <...> Каждую ночь его вижу... Бежит босой по снегу. <...> А ты, гадюка, смотрела, и ничего у тебя в душе не тронулось?» [2, с. 408]. В конце произведения друг Лёльки окончил жизнь самоубийством, не прощая себе вины перед невинным ребёнком. Подобно пушкинскому герою, он не может избавиться от «мальчика кровавого в глазах»: «Не спать мне уж теперь. Боюсь я спать... Всё мальчишка этот... Следом бежит» [2, с. 408]. Чувство подобной вины испытывал и герой повести В.Я.Зазубрина «Щепка» Андрей Срубов, беспощадно расстреливавший врагов пролетарской революции, а в итоге лишившийся рассудка.

Вопросы целомудрия, любви и семьи Вересаев поставил в романе чрезвычайно остро. Литературовед И.М.Гейзер утверждал, что в нём «имеются элементы натурализма, много внимания отведено проблеме пола, которая занимала в те годы внимание молодежи» [5, с. 62]. Лёля записала: «Диспуты у нас всё больше — о половых проблемах, и молодежь валом на них валит» [2, с. 248]. Нина описала в дневнике случай в клубе во время выступления пролетарских писателей: «Шерстобитов <...> заявил, что современная пролетарская молодежь не думает о поцелуях и лунных ночах, что пролетариату чужда “любовь двух сердец”, потому что

мысли её заняты мировой революцией» [2, с. 211]. Нину возмутили слова оратора: «Это как же, значит? Пролетариат перестанет размножаться? Или будет простая случка, без всякой любви, как у быков и коров? Притом я хорошо знаю: сам Шерстобитов здорово крутит с девчонками» [2, с. 211].

В первой части романа немало эпизодов, в которых отразились любовные переживания девушек. Однажды Нина заявила, что хочет поставить «эксперимент» над революционером, работником Марком Чугуновым, хотя знала, что он «парень» Баси [2, с. 219]. Младшая сестра записала в дневник: «Очень интересно делать эксперименты. Интересно сохранять в полном холоде голову и спокойно наблюдать, как горячей кровью бьётся чужое сердце, как туманится у человека голова страстью. А самой в это время посмеиваться и наблюдать» [2, с. 227]. Реакция Баси на измену друга удивляет ещё большим цинизмом: «Тебе неловко, что ты у меня “отбила” Марка? <...> Неужели ты думала, я буду негодовать на тебя, приходить в отчаяние. <...> Вот если бы ты мне сказала, что нам не удастся построить социализм, — это да, от этого я пришла бы в отчаяние. <...> Вот только обидно для самолюбия, что не я его бросила, а он меня» [2, с. 228]. «Эксперимент» закончился не так, как планировалось: Нина влюбилась в Марка, открыла ему душу, а после разрыва страдала, завела отдельный дневничок, куда вносила записи о сокровенном: «Помнишь ли ты меня, Марк, или таких много дурочек, которые идут на ласку, как рыбка на приманку?» [2, с. 245]. Лёля к переживаниям сестры относилась скептически, но в общем дневнике искренне делилась своими мыслями: «Я хочу любви. <...> Глупо, когда живёшь этим. И не по-комсомольски. <...> Опустилась, настроение упало. Хочется читать Блока, Ахматову, Есенина» [2, с. 238-241].

Интриги с ребятами, активная общественная деятельность, работа не снимали внутренней неудовлетворенности девушек. В дневнике часто встречаются фразы: «мне скучно», «неинтересно», «хочется пошарлатанить по-настоящему», даже «ликвидировать себя» [2, с. 244-246]. В одной из записей Лёлька обнаружила, будто бы сочинила посмертное письмо, и только не знает, «скоро ли покончит с собой». Она отказалась от замысла, поскольку «не кончила своих экспериментов над жизнью» [2, с. 247]. Следующая запись содержит размышление Лёли о том, что им с сестрой, прежде чем убить себя, необходимо «иметь по ребёнку», — «это тоже ужасно интересно» [2, с. 247]. Следовательно, не только отношения с противоположным полом, но и материнство воспринимается девушкой лишь как эксперимент. Безответственность, отсутствие любви, бесчувствие к не рождённому малышу, которого она готова обречь на сиротство, характеризуют Лёльку как духовную калеку. Как известно, «любовь не ищет зла» [1 Кор, 13:5]...

Отказ женщины от «традиционного» счастья была темой многих произведений современников Вересаева. У А.Толстого в повести «Гадюка» героиня Ольга Вячеславовна вспоминала о своих наивных мечтах: «Я так представляла себе: муж — приличный блондин, я — в розовом пеньюаре, сидим, оба отражаемся в никелированном кофейнике. И больше — ничего!.. И это — счастье... Ненавижу эту девчонку... Счастья ждала, ленивая дура, в капоте, за кофейником!.. Вот сволочь!..» [6, с. 401]. История вела её иным путём. Участвуя в Гражданской войне, Ольга «была худа и черна; могла пить автомобильный спирт, курила махорку, и, когда надо, ругалась не хуже других» [6, с. 413]. После войны безответная влюбленность толкнула Ольгу на попытку убить соперницу, что говорит об отчаянии и нежелании понять мужское влечение «любимого» человека к «женственному созданию». Д.Б.Терешкина, анализируя повесть «Гадюка», заметила: «Важным оказывается то, что автор повести считал непременным условием любви: воплощенного живого духа в теле» [7, с. 76]. Поведение героинь Вересаева и А.Н.Толстого свидетельствует об их глубоком духовном кризисе. Они изломаны и дезориентированы.

Интересно сравнить имена девушек двух произведений: Оленьки («Гадюка») и Лёльки («Сёстры»). А.Толстой свою героиню называет либо ласково Оленька, либо Ольга Вячеславовна. Можно заметить авторское сочувствие несчастной женщине, уважение к её искренности и девической чистоте, не покидающей её, вопреки опыту убийства на войне. В.Вересаев же называет свою героиню исключительно Лёлька (видимо, полное имя девушки Ольга). В репликах других персонажей можно встретить «Лёлю», но авторский текст даёт только уменьшительно-пренебрежительную форму имени (как и её сестры Нинки). Вполне очевидно разоблачительное отношение автора к своим героиням, добровольно ставшим на путь зла.

Проза В.Вересаева отличается своей публицистической заострённостью. В связи с этим характеры смотрятся не только как самостоятельные образы, но отчасти как иллюстрации к идеям. Скорее всего, не собственно эстетические достоинства, но обнажённость глубокого духовного кризиса стали поводом для критиков считать роман неудачным. Литературовед Г.А.Бровман выделил при этом «типический, обобщающий характер» [8, с. 311] изображения героев. Исследователь А.Ф.Силенко, в свою очередь, писал: «Новая молодежь, комсомольцы (и прежде всего сёстры Ратниковы) показаны примитивно, схематично» [9, с. 99], «оправдывая», а по существу обличая писателя, который якобы просто не владел «методом социалистического реализма» [9, с. 100]. Анализ романа даёт основание сделать вывод, что Вересаев был верен своим художественным и этическим принципам, фиксируя действительность без прикрас. Центральной проблемой для писателя оставался и в послереволюционные годы духовный кризис, который отражался на жизни семьи и народа в целом.

1. Жуликова С.Н. В.В.Вересаев на Московской земле // VI Вересаевские литературно-краеведческие чтения, посвященные 150-летию со дня рождения В.В.Вересаева. Тула: Изд-во «Аквариус», 2017. С. 36-45.

2. Вересаев В.В. В тупике; Сёстры: романы. М.: Вече, 2016. 416 с.
3. Нольде В.М. Вересаев. Жизнь и творчество. Тула: Приокское книжное изд-во, 1986. 196 с.
4. Николаев Н.Н. Военный врач Вересаев // Научно-практическая конференция. Сборник. Тула: ООО «Аквариус», 2018. С. 169-173.
5. Гейзер И.М. В.В.Вересаев. Писатель-врач. М.: Медгиз, 1957. 146 с.
6. Толстой А.Н. Детство Никиты. Повести и рассказы. М.: Правда, 1985. 432 с.
7. Терешкина Д.Б. «Целомудрие твоё яко зеницу ока блюла еси» (Об агиографическом контексте повести А.Н.Толстого «Гадюка») // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 73. Т. 1. С. 74-77.
8. Бровман Г.А. В.В.Вересаев. Жизнь и творчество. М.: Советский писатель, 1959. 366 с.
9. Силенко А.Ф. В.В.Вересаев. Критико-биографический очерк. Тула: Тульское книжное издательство, 1956. 116 с.

References

1. Zhulikova S.N. V.V.Veresev na Moskovskoy zemle [Veresev on the Moscow land]. Proc. of "VI Veresevskie literaturno-kraevedcheskie chteniya, posvyashchennye 150-letiyu so dnya rozhdeniya V.V.Vereseva". Tula, 2017, pp. 36-45.
2. Veresev V.V. V tupike; Sestry: romany [At the dead end; Sisters: novels]. Moscow, 2016. 416 p.
3. Nol'de V.M. Veresev. Zhizn' i tvorchestvo [Life and Creativity]. Tula, 1986. 196 p.
4. Nikolaev N.N. Voennyy vrach Veresev [Army doctor Veresev]. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Sbornik. Tula, 2018, pp. 169-173.
5. Geyzer I.M. V.V.Veresev. Pisatel'-vrach [V.V. Veresev. Writer-doctor]. Moscow, 1957. 146 p.
6. Tolstoy A.N. Detstvo Nikity. Povedi i rasskazy [Nikita's childhood. Novels and stories]. Moscow, 1985. 432 p.
7. Tereshkina D.B. "Tselomudrie tvoe yako zenitsu oka blyula esi" (Ob agiograficheskom kontekste povesti A.N.Tolstogo "Gadyuka") [On hagiographical context of the story "The Viper" ("Gadyuka") by A. N. Tolstoy]. Vestnik of NovSU, 2013, no. 73, vo. 1, pp. 74-77.
8. Brovman G.A. V.V.Veresev. Zhizn' i tvorchestvo [Life and Creativity]. Moscow, 1959. 366 p.
9. Silenko A.F. V.V.Veresev. Kritiko-biograficheskii ocherk [Critical and biographical essay]. Tula, 1956. 116 p.

Novichkova D.A. Portrayal of women in V.V.Veresev's novel "Sisters". The purpose of the article is to identify the author's understanding of the inner world of women who took part in the active "socialism construction" in the USSR in the 1930s. The main subject of the research is V.V.Veresev's novel "Sisters" that depicts the life of Soviet youth. Textual analysis of the novel characters focuses on the topical issue — women performed physically demanding chores at work that resulted in diminishing their roles as wives and mothers. The names of the writer's contemporaries are given with similar views on the position of women in society. The novel is important for understanding gender issues.

Keywords: V.V.Veresev, gender issues, emancipation, production novel, class consciousness, issue of the intelligentsia.

Сведения об авторе. Дарья Александровна Новичкова — аспирант, факультет русской филологии, кафедра русской литературы XX века, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (МГОУ), г. Мытищи; ORCID: 0000-0002-5967-2501; da.novichkova@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к публикации 15.03.2020.